

Машина въехала в жилой комплекс и, наконец, остановилась у подъезда. Цзянь Шиу и Шэнь Чэн вышли из машины. Пухляш первым побежал вперед, чтобы открыть дверь, Шэнь Чэн шел сзади, когда услышал, как сзади его окликнул мягкий голос Чжэнь Мэйли:

— Мальчик.

Шэнь Чэн остановился. Уголки губ Чжэнь Мэйли изогнулись в улыбке. Она тихо сказала:

— Не волнуйся, хорошо поспи. Раз я обещала твоей маме стать твоей крестной, я обязательно позабочусь о тебе. Твоей мамы нет, но я теперь твоя мама. Не взваливай на себя такую тяжесть, позволь себе немного расслабиться. Доверь это дело мне, хорошо?

Доверь мне.

Простые четыре слова словно разрушили последнюю стену, которую Шэнь Чэн так упорно держал. В долгие годы, сколько бы обид он ни перенес, сколько бы боли и страданий ни выпало на его долю, он всегда был один. Никто не поддерживал его, никто не помогал.

Свежий ночной ветерок дул издалека, ранний летний ветер нес в себе особую романтику.

Тело Шэнь Чэна напряглось, словно он изо всех сил сдерживал что-то. Его голос, слегка хриплый, наконец, тихо произнес:

— Спасибо.

Глаза Чжэнь Мэйли наполнились нежностью, она улыбнулась.

Неподалеку Пухляш открыл дверь, в гостиной загорелся теплый желтый свет. Он стоял у входа, в светлом пятне, махал Шэнь Чэну, как маленький пингвин:

— Староста, снаружи комары, заходи скорее!

Шэнь Чэн с легкой досадой посмотрел на него.

Чжэнь Мэйли засмеялась:

— Иди, позаботься о нем.

Шэнь Чэн кивнул:

— Буду.

Когда он подошел к двери, машина Чжэнь Мэйли уже уехала. Цзянь Шиу с любопытством спросил:

— Что моя мама тебе сказала?

Шэнь Чэн кратко ответил:

— Сказала присмотреть за тобой.

— ?

Цзянь Шиу смущенно почесал голову:

— Я что, так беспомощно выгляжу?

Шэнь Чэн молча смотрел на него, словно давая безмолвный ответ.

— ...

В ресторане они почти ничего не ели, только смотрели представление и щелкали семечки. Торт, который должны были принести, так и не успели попробовать, потому что пришла Гао Цань. Хотя уже была глубокая ночь, когда Цзянь Шиу зашел в дом, его живот начал урчать. Как говорится, пропустишь один прием пищи — голод замучает. Сейчас он чувствовал, как голод сводит желудок.

Раньше дома всегда была еда, но сегодня Чжэнь Мэйли целый день провела за сбором доказательств в больнице, так что запасов еды почти не осталось.

Цзянь Шиу сказал Шэнь Чэну:

— Староста, ты иди сначала в ванную, а я что-нибудь приготовлю.

Шэнь Чэн запер дверь на замок и подошел:

— Ты умеешь готовить?

Пухляш выпятил грудь:

— Ты кого недооцениваешь? Моя мама так хорошо готовит, я хоть немного, но унаследовал ее талант! Иди мойся, твоя одежда, которую ты оставил в прошлый раз, лежит в нижнем ящике большого шкафа на втором этаже. Ванной можешь пользоваться, но замок в моей комнате все еще сломан. Но не переживай, я не буду...

Слова застряли у него в горле, когда под взглядом Шэнь Чэна он вспомнил про родимое пятно в отеле.

Шэнь Чэн поднял бровь, словно ожидая продолжения.

— Э-это недоразумение, — на лбу Цзянь Шиу выступил легкий пот, он нервничал. — А если я скажу, что мне приснился сон, ты поверишь?

Шэнь Чэн:

— Мне интересно, какой сон мог показать мою спину.

...

Цзянь Шиу был в затруднительном положении, от волнения он начал заикаться:

— Ну, просто обычный сон.

Шэнь Чэн с сомнением поднял бровь.

Атмосфера в комнате стала немного напряженной. Не было сомнений, что если бы на полу была дыра, Цзянь Шиу бы в нее провалился. Его кожа была бледной, и когда он опустил голову, румянец от смущения распространился от шеи до ушей, что выглядело очень мило.

— Уррр.

Звук урчащего живота нарушил тишину.

Цзянь Шиу прикрыл живот, чувствуя себя неловко, и прошептал:

— Он голоден.

Шэнь Чэн с удовольствием понаблюдал за этим, а затем наконец направился на кухню. Он открыл холодильник и увидел, что продуктов осталось совсем немного. Свежие овощи были, но полка с замороженными продуктами была пуста, только на последней полке лежали яйца. Он взял яйца и немного овощей, подойдя к разделочной доске.

Цзянь Шиу последовал за ним, стараясь помочь:

— Я сам, я сам.

Шэнь Чэн обернулся:

— Ты сможешь?

Цзянь Шиу положил овощи на доску, помыл и начал резать помидоры:

— Я... попробую.

Шэнь Чэн, готовящий еду, — это было что-то новое для Цзянь Шиу. В прошлой жизни их отношения были натянутыми. Хотя они были помолвлены, но из-за того, что помолвка была заключена нечестным путем, Шэнь Чэн не испытывал к нему симпатии. А он тогда, считая, что получил козырь, распространил новость о помолвке. Для него это была радость, но для других это стало поводом для насмешек.

Они говорили:

«Женился на приданое?»

«Продался семье Цзянь?»

«Ха-ха, он вообще мужчина?»

Он неосознанно причинил Шэнь Чэну много боли. Тогда он не понимал, что такое мужское достоинство, и не осознавал, насколько он был неправ. Позже он получил возмездие: их семейная компания обанкротилась, мать, пытаясь закрыть финансовую дыру, бегала по инстанциям, занимала деньги и попала в аварию из-за переутомления. Отец, не выдержав горя, тоже умер. Позже он узнал, что среди тех, кто оказывал давление на их компанию, были и люди Шэнь Чэна.

Шэнь Чэн ненавидел его, ненавидел их семью.

Если бы не его давление, родители бы не погибли. Если бы он проявил немного милосердия, все могло бы сложиться иначе. Узнав правду, он бросился к Шэнь Чэну, чтобы выяснить отношения. В тот день шел сильный дождь, он только недавно получил права, дорога была скользкой, он врезался в ограждение моста и больше не проснулся.

— Ай!

Нож соскользнул с пальца, порезанная рука закапала кровью. От боли он бросил нож на доску, раздался громкий звук.

Цзянь Шиу скорчил лицо, вдохнув через зубы.

Шэнь Чэн тут же схватил его руку, осмотрел и строго сказал:

— Ты что, режешь овощи и мечтаешь? Руку не жалко?

Цзянь Шиу с обидой поджал губы.

Он забрал руку, сам подул на нее. Воспоминания о прошлой жизни всплыли в голове, усиливая эмоции. Он хотел что-то сказать, но прежде чем он успел открыть рот, слезы уже потекли.

Шэнь Чэн поднял голову и увидел его покрасневшие глаза. Те, что обычно светились улыбкой, теперь были полны непонятной для него печали. Слезы неудержимо катились по щекам, Пухляш всхлипнул, словно оправдывая свои слезы:

— Больно.

Внезапно сердце Шэнь Чэна словно пронзила игла.

Это странное чувство вызвало у юноши раздражение, но разум взял верх. Он подавил эмоции, вытащил Цзянь Шиу из кухни. На полке снаружи была аптечка, Шэнь Чэн достал ее, взял йод и ватный тампон, чтобы обработать рану. Его руки, держащие руку Цзянь Шиу, были грубыми, с множеством старых шрамов, в отличие от мягких и нежных рук мальчика, который никогда не работал.

Цзянь Шиу сидел на стуле, ошеломленно глядя на Шэнь Чэна.

Шэнь Чэн наклеил пластырь, увидев, что лицо перед ним в слезах и соплях, но не выразил отвращения, а протянул салфетку, его низкий голос слегка охрип:

— Не плачь.

Цзянь Шиу, увидев, что его не ругают за излишнюю чувствительность, а наоборот, проявляют заботу, почувствовал, как нос снова защекотало, и чуть не заплакал снова.

Шэнь Чэн едва заметно нахмурился:

— Ты что, девочка, что так плачешь из-за пореза?

Цзянь Шиу не мог вымолвить ни слова.

Шэнь Чэн, видя, как он беспорядочно вытирает лицо, вздохнул в душе. Он встал:

— Сначала приведи себя в порядок, потом спустись поесть.

— ...А?

Шэнь Чэн направился на кухню:

— Рану не мочи.

Цзянь Шиу не успел отказаться, как тот уже вошел на кухню. Ему оставалось только послушаться и пойти умываться. Когда он, преодолевая боль, спустился вниз, в доме уже витал аппетитный аромат. Прошло около 20 минут, и на столе уже стояли два блюда: простой омлет с помидорами и зелень. В кастрюле, кажется, тушилось мясо, запах был настолько аппетитным, что у него подкосились ноги.

Шэнь Чэн стоял у плиты, добавляя приправы в блюдо. На нем был фартук, 14-летний юноша был еще немного худощавым, но по его прямой спине уже можно было разглядеть будущего высокого и красивого мужчину.

<http://bllate.org/book/16727/1538267>